

Виталий Фидельский

СКАЗКА

Виталий Фидельский

**Сказка о морском царе и
храбром Исиндее, его княжне
да очень ловком чародее**

«Accent Graphics communications»

2013

Фидельский В.

Сказка о морском царе и храбром Исиндее, его княжне да
очень ловком чародее / В. Фидельский — «Accent Graphics
communications», 2013

Эта сказка объединяет темы борьбы добра и зла, духа и плоти, любви и ненависти. Написанная в живой разговорной манере, наполненная яркими незабываемыми образами, они обращены к чувствам читателя, пробуждая по детски наивные (и тем прекрасные) переживания, и самые чистые душевные порывы, и пронзительное осознание воли Всевышнего в жизни каждого человека. Сказка рассчитана на широкий круг читателей.

© Фидельский В., 2013

© Accent Graphics
communications, 2013

Виталий Фидельский

Сказка о морском царе и храбром Исиндее, его княжне да очень ловком чародее

Вот сказка...
Соткан из неё ковёр..
В каждой петелечке её
Души колыхнется нетленный колосок.

Уже видны все очертания,
Здесь море, суша, тьмы желанья,
Власть и любовь, камня сиянье,
Здесь морской царь и чародей,
Княжна и храбрый Исиндей.
Им нужно много тайн раскрыть.
Заря так манит и блестит,
Отправиться героям в путь велит.

Соткан ковёр...
Так что вперёд...
Прошу мой чтец!
Сказку пройдем её тропой!

Мой милый чтец,
Не осуждай меня напрасно,
Что писано в сих стихах,
Быть может, есть немало правды.

Мы плыли много-много дней,
Дыша на жизнь, а не на ладан,
Прошли до тридцати морей,
Шторма увидев на морских парадах.

Кто ж тот коварный чародей,
Который ночью выкрал с сада,
Кого любил наш Исиндей,
С войны вернувшись, как из ада?

Он пал к стопам ее отца,
Волнуясь и томясь от горя:
«Где, отче, милая моя,
И кто забрал ее в неволю?»

Отец промолвил, что княжна
Гуляла грустная у моря,
Любовь к тебе, тоска и горе,

Погибла дочь моя – княжна.
Ее забрали тихо волны,
Она сказала: «Жду тебя,
Мой рыцарь, друг мой подневольный,
Вернись и выручи меня.
Ушла, откуда не воротишь,
Здесь царь морской и всё, что хочешь,
Но для меня нет воздуха и нет глотка.»
«Так мне сказал рыбак Искуса,
Что видел, слышал, описал.»

Наш Исиндей, зажмурив очи,
Бредет усталый, озабочен,
Вдруг зрит, пред ним его злодей.
С волны бесшумно поднимаясь,
В темном костюме лучезарном,
В шляпе, с зонтом и саквояжем,
На вид нет мужа уж милей,
Подумал молча Исиндей.

Друг друга встретив настороже
И пожимая руки, что же,
Как кот с собакой, уж похоже
Никто не сблизится милей.

Речь первым начал чародей:
«Мой царь сказал, ты храбрый воин,
От войн остыв, и, наконец,
Прими же новую неволю,
Княжна увидит прежний свет.

Опустимся мы очень быстро,
Пришли бы сумерки скорей,
Я не люблю Земли погоду,
В воде всегда мне спокойней».

«И что сулишь ты мне за это,
Коль я пойду с тобою, лжец –
Петлю, топор, акулам праздник?
Я раздавлю тебя, наглец».
Наш Исиндей вскипел, как море,
А помрачнел – почти свинец.

На миг оставим эти ссоры,
Уйдем поглубже в океан –
Уж здесь огромные просторы
В укромном месте, под водою,
В клетке сидит наша княжна.
Она зовет лишь Исиндея:

«Я гибну, выручи меня».

«Эй, чародей! Я принимаю!!
Когда уйдем мы в океан?
И вашего я брата знаю,
Пусть с моря выйдет вмиг княжна!»

Вскипели волны, ветер стонет,
Тучи над морем собрались,
Их кто-то сильно к морю клонит,
Из пены выплыли ладьи.

Средь них наш царь своей персоной,
Княжну цепями приковав,
И нежным, ласковым поклоном
В свою ладью он указал.

Наш Исиндей, княжну увидев,
Уже рукой ее ласкал,
Да что уж там, и кто здесь видел,
Как царь под воду их забрал.
А царь доволен чародеем,
Вмиг должность выше предложил:
«Ты будешь мой! Моим лакеем!
Моим лакеем и княжны!»
Царь покраснелся, очень рад,
Что в плен легко смогли их взять.
Попил, поел, зевнул, как надо,
И на диван полез он спать.

И снилось царство под водою,
Русалки нежные вокруг,
Сверкая чешуей и длинною косою,
Проворно замыкают круг.

Акулы здесь не тратят силы,
Не трогают врагов своих
Дельфины так нежны, игривы,
Кораллы налегке плывут,
И рыбки песенки поют.

В центре стоит золотая клетка,
Вся жемчугом обнесена,
А в ней – красивая брюнетка,
Бриллиантами сияет вся.

И лишь одно бросается в глаза:
Здесь нет лица –
Вот так она бледна.

Да это ж, милая княжна!

Ее глаза на все закрыты,
Не ест, тоскует и не спит,
Наряды, что на ней, забыты,
Одну лишь мысль в себе твердит:
«Мой ангел, друг мой верный, милый,
Меня спасая, гибнешь ты,
Скоро иссохнут мои силы,
Я гибну! Как тебя спасти?»

Наш Исиндей, княжну увидев,
Забыл про все и был таков,
Царь ведь заранее предвидел,
Каков влюбленных есть итог.

Закрит, завален вход камнями,
В водной пещере и с цепями
Наш Исиндей, весь сам не свой,
Изловлен царскими сетями:

«Ведь на войне я был не глуп,
Бывали в ней и посложней детали.
Сила любви порою ум разит,
Как в этот раз мы проиграли!

Эй, чародей! Войди в пещеру,
Царю мне нужно речь сказать.
Уйду я сам домой, все очень надоело,
Цепиними! Царю княжну хочу отдать».

А чародей, такую речь услышав,
Хлопнул в ладоши: «Царь меня возвысит».
Он камни – вход в пещеру вмиг открыл,
А Исиндея, как родного встретил,
Цепи, замки на нем все вскрыл,
К Царю с «названным» братом поспешил.

И если силу управлять умом,
То многого добиться можно:
Связку ключей, снимая под ремнем,
Крепко держа «братка» за горло,
Наш Исиндей спешит на выручку княжне,
Как на войне, он действует проворно.

В мгновенье клетку открывая,
Рвет цепи с золота.
И всё одной рукой.
Нежно княжну к себе он прижимает,

Спешит на воздух всплыть скорей,
Как на буксире, чародея поднимая –
Заложник он – так будет спокойней.

Проснулся царь, и пот холодный
Ручьем стекал с его лица:
«Что видел я сейчас во сне?
Сбежала от меня княжна?»

Эй, стража! Все ко мне!
Где этот гадкий чародей?
Сгною на суше, не в воде».
«Не видим мы его нигде,
Он предал Вас, а может, плен?»
Ответил стражник посмелей.

«В погоню всем, не дать уйти –
Не вынесу жизнь без княжны.
Акулам перерезать путь,
Дельфины остаются здесь – они добры,
Русалкам к берегу идти,
Вскипеть волне, взбурлить воду,
Ох, без княжны я пропаду!
Как я следил за нею с моря,
О, нежна, ласкова она.
И горе будет тебе, море,
Если уйду на сушу я.
Да, нежна, ласкова она,
Но видит Бог, не для меня,
Другого любит лишь она,
Чтоб он исчезнул навсегда!
Как пела, с нежностью смотрела,
Я думал – это на меня,
А оказалось Исиндея
С войны у моря заждалась.
Я иногда вползал на сушу,
Моллюском мелким превратясь,
Хотел увлечь, забрать с собою
Это красивое дитя.
Да царь ли я? Но я душою
Привязан был к сей красоте,
И лишь однажды, познав горе,
Силой забрал ее к себе.

Ой, голова пошла уж кругом,
Пора злодею отомстить!»
«Царь! Поднялись уже наружу», –
Преданный стражник говорит.

А наша пара с чародеем
Всплыла на воздух с глубины.
Здесь была целая эскадра,
В главе сей был отец княжны.

Их встретили салютным залпом
Вдруг волны с шумом раздались,
Вскипело море, мачты стонут,
Шхуны ко берегу понеслись.

За ними царь, той же персоной,
С не слишком ласковым поклоном,
Глаза в миг кровью налились.
Трясись, герой, ох и трясись!

Царь воскипел огромным гневом,
Взбурлил, все море, сделал вспять,
Шхуну зажали в клещи волны, –
Ей нечем было уж дышать.

Взмывалась вся на гребнях волн,
Летела вниз уж морю в пасть,
Вой всех канатов, парусов.
Ложилась набок, и потом

Плыла, тряслась, вот это шторм!
Вдруг накрывалась вся водой,
Царь не на шутку раздражен,
Крики на шхуне, плач и вой,
Княжна издала жалкий стон,
Исиндей прыгнул за штурвал:
«Много морей я все ж видал,
Но этот шторм – штормам отец,
Ох, что творит, и наконец,
Ведь это царь его творец».

«Мы гибнем, князь! Царь нас сильнее!»
«Ах ты, паршивый, рабский змей!» –
Вскричал наш храбрый Исиндей:
«Позвать ко мне сейчас злодея,
Последнюю пусть держит речь».
Вмиг притащили чародея:

«Твою вину царь не простит», –
Сказал наш храбрый Исиндей:
«Так, что изволь держать ответ:
Ты чародей или уж нет?»

«Я, как паук, все сети путал,

Скажу тебе – я проиграл,
Царь не простит моей ошибки,
Щади меня, я все сказал!»

«Тогда ты море успокоишь,
Царя отбросишь и заморишь,
Море вернешь обратно вспять,
Тогда сумею я прощать».

Стал чародей на четвереньки,
Затрясся весь, подул вокруг,
Так взвыл – живое все застыло,
Снова на море начал дуть,
Потом по палубе катался,
С борта на борт, как в масле сыр,
И снова выл, вокруг себя кружился,
Так чародей вгонял царя на мор,
То прыгал вверх, аж шхуна сотрясалась,
И на колени став, бил сильно себя в грудь,
А голова, как мертвая, качалась,
Он издавал неясный, жуткий звук...

Прошел кошмар...
Все небо просветлело,
Волны ушли куда-то далеко,
Полнейший штиль...

Вдруг море вновь вскипело!
Все бросились к бортам,
Увидев вдруг картину,
Ушли из царства – это же дельфины!

Не счесть всех их, их очень много,
С веселым свистом плыли прямо к ним,
Взбурлили воду, взяли шхуны на буксиры
И вмиг ко берегу понеслись.

Наш царь своим же чародеем атакован,
На время был лишен всех сил.
Он опускался вглубь, в свои просторы,
Бездумно в мысли погружен:

«Вот это сон, уж точно сон,
Я вычислю сего злодея,
Коль чарами смог мою силу взять.
Ох, плачь злодей, теперь уж плачь!»

Весь град, встречая Исиндею,
Парил над берегом, и княжну

Венчали лаврами – победа!
Конец морскому ведь царю!

Пришлась по вкусу речь такая,
Коль чародей признал вину,
То часть отдали этой славы,
Кому – конечно же, ему.

Отец был счастлив, но серьезен,
В глаза княжне он вдруг взглянув,
Увидел радостные слезы:
«Да, Исиндей не обманул!
Он выручил тебя с неволи,
И даже если он устал,
Пусть примет новую неволю:
Будь ты теперь ему жена!

Ура, друзья! Прошу ура!»
И закричали, глас и шумы –
Возликовала вся толпа:
«Наш Исиндей – герой! Княжна!
Слава княжне и Исиндею!
Слава чете! Ведем к венцу!»

Столы в мгновение расставив,
Пышным узором глаз рябил.
Здесь было все, что в этом мире –
Праздник сам это говорил.

Пир шел горой, это не сон,
Но главное, что наш герой,
Сам на себя уж не похожий,
Ушел куда-то далеко:
«Ох, все идет так очень гладко,
Не пахнет все же здесь бедой?»

Он чародея вызвал с пира,
Задал вопрос ему точней:
«Что будет, если царь проснется
От чар твоих, а, чародей?»

«Скажу тебе, ты храбрый воин.
И здесь беды не миновать,
Царь хоть и стар, но очень ловок,
В кружке с водой может достать.

Опасен он, но есть лекарство,
Как правильнее мне сказать?
Наступит время...

Царь сам нам будет помогать».

«О чем ты речь содержишь эту,
Что не пойму тебя никак?»
«Он царь морской, но жить на суше
Его заветная мечта».

«Да в чем же здесь его вина?»
«Речь в том, что есть царский закон!
Никто не может преступать!»
«Да царь ли он? Его закон!»

«О, Исиндей мой, это да!
Но мать его на то пошла,
Я расскажу печали эти
Будь мудр и выслушай меня.

Жизнь на земле, да и на море,
Все же не так она сложна,
Но там поглубже и под морем
Огромная есть сила зла.

И требует любые дани,
Взяла русалок уж сполна,
Дельфинов, рыб, и все же мало,
Тогда решила взять царя.

А царь был отрок всё ж отроду,
Тогда взмолилась, пала мать,
И чтобы сына не отдать,
Пришлось закон сей подписать».

«И что ж он значит?»
«Приказано: „Землянам на все бедою отвечать!
Морить, ловить, топить водою,
И через дно их отправлять“.
Ох, сколько их забрало море.
Царь может только сам сказать».

«И что поладить с этой силой
Никак нельзя?»
«Да, только этою струною!»
«А если нет?» «Вскипит вода!

Вот что подписано когда-то ею,
И потому царь Исиндея
В рабство хотел
Забрать тебя».

«Как же сильна та злая сила?»
«Не знаю все, но под водою
Машины страшные гудят,
Там стоны, люди очень воют,
Сильно хрустит, скрипит металл.
Дальше нельзя! Я все сказал!
Тебе, может, она и по плечу, карману,
А я пред ней уж задрожал.
Пусти меня, попиршествую, спьяну,
Возможно, расскажу тогда».

Княжна, гуляя одиноко,
Зрит Исиндей, «уйдя глубоко»,
Мрачнее тучи, озабочен:
«О, милая моя княжна,
Ныне покинул я тебя,
В сей праздник,
День – венчальный наш,
Прости меня! О, ералаш!

Сразиться мне придется с силой
Неведомою никогда!
Где взять мне мудрость, страх покинуть
Видеть мне нужно вмиг царя!

Прости меня, но муж ли я?
Коль много бед тебе доставил?
Нас злая сила не оставит,
Придется уж сразиться мне.
Судьба решит, то ль под конем,
Вернусь к тебе – все ж на коне!»

Наш Исиндей бредет вдоль моря,
За ним плетется чародей:
«Царя мне нужно очень видеть».
«Он видит нас, ты мне поверь!»
Ответил тут же чародей:
«Смотри под ноги,
Он ведь здесь!
И стража с ним, не перечешь».

«Да что ты мелешь ерунду,
Никак тебя я не пойму?»
«Смотри же сзади Исиндей,
Не шутит он, старый злодей,
Готовится тебя схватить,
Не лучше ль нам сейчас уйти.

Смотри под ноги, ну смотри!»

«Вижу – вокруг одни моллюски,
Изволь лукавый не шутить!
Мне без тебя на сердце грустно».

Раздался треск и шум вокруг,
Царь из моллюска превратясь,
И стража вся с ним собралась,
Плотным кольцом зажали вмиг,

Чародей поднял жалкий визг:
«Меня уж, царь, ты пощади,
А Исиндея не губи.
Сразиться хочет с силой злой,
Убрать тот пакостный закон,
Тогда все в мире заживем».

Царь так вскипел, взглянув на чародея,
Что тот, бедняга, посинел,
Затрясся весь и Исиндея
Просил ту правду подтвердить.

«Эй, стража, отпустить!
Пусть Исиндей сам говорит».
«Напрасно зол ты, царь, на нас,
Ведь правду чародей сказал.
И всю картину описал –
Как создан был сей злой указ:
„Людей топить и отдавать,
В мученьях под водой держать“.
Ты хочешь сам его убрать?
Ответь, царь, если это так!»

Царь с хитрою улыбкой посмотрел на них:
«Умен ты очень уж, жених!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.